

ВОДОЛАЗКИН

Хронология русской хронографии

Часть 3*

В предыдущей статье данного цикла мы завершили в основном рассмотрение источников абсолютных дат в ранних русских хронографах. Обратимся к следующему немаловажному вопросу: каких эр придерживались создатели этих памятников?

Определение эр, используемых в христианской историографии, начинается обычно с выяснения вопроса о датировке рождения Христа в том или ином памятнике. В нашем случае прибегать к расчетам не требуется. Эти даты указаны в самих хронографах. Троицкий хронограф (далее — ТХ): «...родися Господь наш Исусь Христосъ в лѣто 5000-ное и 500 лѣто от створения миру».¹ Полная и Краткая хронографические палеи (далее — соответственно ПП и КП): «В лѣто 5500... родися Господь нашъ Исусъ Христосъ».² Летописец Еллинский и Римский 2-й редакции (далее — ЕЛ-2). «В лѣто 5500 индикта рука христианская родися Господь наш Исус Христос».³

Какую же традицию отражают приведенные датировки? Отвечая на этот вопрос кратко, можно было бы сказать, что 5500 г. как время рождения Христа следует связывать с так называемой эрой Африкана. Но ввиду того, что соотношение эр в средневековой историографии являлось большой проблемой, остановимся на этом подробнее. Дату 5500 в христианскую историографию впервые ввел Юлий Африкан (III в.). В целом ряде случаев цифры, приводимые Африканом, являлись данными своего рода «мистической хронологии». Интересующий нас год извлекался Африканом из евангельского указания, что страсть Христова была в шестой час шестого дня недели (при этом каждый день недели приравнялся к тысячелетию). Объективно (т. е. по соотношению дат и событий) 5500 г. Африкана соответствовал 3 г. до н. э. Таким образом, первый год этой

* Работа выполнена при поддержке Гумбольдтского фонда (Германия) Часть 1 настоящей статьи см ТОДРЛ СПб, 1996 Т 49 С 22—35, часть 2 см ТОДРЛ СПб, 1999 Т 51 С 9—19

¹ Творогов О В Материалы к истории русских хронографов 3 Троицкий хронограф // ТОДРЛ Л, 1989 Т 42 С 294

² БАН, 24 5 8, л 158

³ Летописец Еллинский и Римский Т 1 Текст СПб, 1999 С 199 Готовя часть 3 настоящей статьи, я пользовался корректурой находившейся еще в печати книги, любезно предоставленной мне О В Твороговым Основными списками при издании являются РНБ, Погодинское собр., № 1437 (с 3 и 4), БАН, Архангельское собр., № 18 (с 4—11), ГИМ, Чудовское собр., № 51 (с 11—20), РГБ, Пискаревское собр., № 162 (с 20—85), БАН, 33 8 13 (от с 85 — до конца) Пользуюсь случаем выразить О В Творогову свою сердечную благодарность

эры соответствовал 5502 г. до н. э. Впоследствии Панодором был предложен другой расчет лет, согласно которому от сотворения мира до рождения Христа прошло 5492 года, из чего следовало, что первый год этой эры соответствовал 5493 г. до н. э.⁴ В 412 г. в хронографический труд Панодора были внесены поправки Анниана, о которых отечественный хронолог В. В. Болотов эмоционально заметил, что «если его (Анниана. — *Е. В.*) эра получила широкое распространение, то главным образом потому, что люди обыкновенно не умеют разбираться в цифрах»⁵ В самом деле, хороший пасхалист и плохой историк, Анниан согласовал свои расчеты с пасхальным циклом, в связи с чем перенес время воскресения Христа (а стало быть, и рождения) на 8 лет позже. При этом 5534 г. его эры, которым он датировал воскресение Христа, соответствует 42 г. н. э., что исторически невозможно: в то время правил уже Клавдий, а не Тиберий.⁶

Популярность системы Анниана объясняется тем, что в ней было самое важное с богословской точки зрения она была неуязвима. Согласно расчетам Анниана, Спаситель воплотился в середине 6-й тысячи лет — 25 марта 5501 г., т. е. в первый день этого года. Более того, этот день был, по Анниану, и днем воскресения. Совершенство дат удостоверялось их соответствием пасхальному циклу. Первый год от сотворения мира совпадал с началом великого индиктиона. Впоследствии в результате разных причин 5501 как год рождения Христа трансформировался в 5500-й.⁷

Наконец, еще одной существенной для славян эрой была так называемая византийская эра, согласно которой от сотворения мира до рождения Христа прошло 5508 лет. Из рассмотренных эр эта — самая поздняя. В государственном употреблении она появляется с 691 г.⁸ В происхождении этой эры есть некоторая неясность. Иногда происхождение византийской эры объясняют, отталкиваясь, скажем, от эры Панодора. Первый год эры Панодора давал индикт 2, и для того, чтобы получить в первом году индикт 1, отсчет византийской эры начали 16 годами позже.⁹ По мнению Д. Лебедева, нашего выдающегося хронолога и пасхалиста, византийская эра всецело основана на эре Африкана.¹⁰ Как бы то ни было, в отличие от иных эр, византийская эра могла показывать индикты, и при византийском счете времени индиктами это качество ставило ее вне конкуренции. Кроме того, первый год византийской эры был еще и первым годом високосного цикла. Правда, при всех своих математических достоинствах византийская эра была так же малоисторична, как и эра Анниана: согласно этой эре, Христос родился спустя 3 года после смерти Ирода.

Но самое существенное для рассматриваемого нами материала то, что никто из следовавших византийской эре не считал от сотворения мира до воплощения 5508 лет. Если была необходимость указать год рождения Христа, ставили 5500-й. Парадоксальным образом 5508 были цифрой, но не датой. Это всего лишь разница между византийской и Дионисиевой («нашей») эрами, и в повседневной жизни средневековья (по крайней

⁴ Ginzler F. K. Handbuch der mathematischen und technischen Chronologie Leipzig, 1914. Bd 3 S. 288.

⁵ Болотов В. В. Лекции по истории древней церкви СПб., 1907. Т. 1. С. 94.

⁶ См. Ideler L. Lehrbuch der Chronologie Berlin, 1831 S. 453—454.

⁷ См. Лебедев Д. Средники // ЖМНП СПб., 1911. Ч. 33. С. 121—132.

⁸ Lersch B. Einleitung in die Chronologie Freiburg, 1899 S. 100, Ideler L. Lehrbuch der Chronologie S. 463.

⁹ Ginzler F. K. Handbuch der mathematischen und technischen Chronologie Bd 3 S. 292.

¹⁰ Лебедев Д. Средники С. 125.

мере русского) она не занимала никакого места. Собственно говоря, сравнивать эти эры не было и повода, так как до Петра все считалось от сотворения мира. О том, что 5500-й был на Руси едва ли не «официальным» годом воплощения, свидетельствует описанная Д. Лебедевым история старообрядцев-«средников», не принявших календарных реформ Петра. «Выходило таким образом, что Иисус Христос родился спустя 5508 лет после сотворения мира, а не 5500 лет, как сказано в Следованной Псалтири. Ревнителю старины — раскольники увидели в этом новое отступление „никониан“ от „старой веры“»¹¹ и обвинили их в том, что они «прибавили 8 лет нежитых».¹² О распространении датировки воплощения 5500 г. говорит и использование ее в Повести временных лет.¹³ Итак, 5500 г. как время рождения Христа указан в системах Африкана, Панодора и Анниана, хотя каждая из систем понимает под этим годом различные хронологические отрезки. Популярность этой датировки на большом материале демонстрирует К. Куев.¹⁴

Дата воплощения в ранних русских хронографах указывает вроде бы на их принадлежность к эре Африкана или, как ее еще называют, «хронографической».¹⁵ Предпочитая называть эру русских хронографов Африкановой, мы обозначаем тем самым их источник в этой области — византийскую историографическую литературу. 5500 г. датирует рождение Христа Хроника Георгия Амартола.¹⁶ Здесь, впрочем, следует оговориться, что древнерусский перевод Хроники включал в себя как собственно сочинение Георгия, так и его продолжение, взятое из Хроники Симеона Логофета. Говоря о «продолжателе Георгия», В. Грюмель отмечает, что трех обнаруженных у него датировок недостаточно для определения эры.¹⁷ Несколько сложнее обстоит дело с сочинением патриарха Никифора Хроуоураφικόν σύντομον (славянский перевод носит название «Летописец вскоре»), оказавшим большое влияние на хронологию русских хронографов. «Летописец вскоре» представляет три эры: александрийскую, «эру Никифора», возникшую в результате ошибки, и — в заключительной части — византийскую.¹⁸ Но поскольку в намерения Никифора входило придерживаться одной — александрийской эры, то и рождение Христа он датирует традиционным 5500 г.¹⁹ Из существенных для русских хронографов источников от традиционной датировки отстает лишь Хроника Иоанна Малалы, в которой сказано о рождении по плоти Христа: «...лѣта 5967, пребы же на земли съ челоуѣкы Господь нашъ лѣтъ 33, якоже быти от Адама прѣвосътвореннаго до Господа нашего Исусу (*sic*) Христа по плоти рождениа и распятиа и вѣществиа лѣтъ 6000 пльна».²⁰ Логика Малалы очевидна уже из данного фрагмента: это приведение хро-

¹¹ Там же. С. 136.

¹² Там же. С. 108.

¹³ Повесть временных лет / Подгот. текста, пер., статьи и коммент. Д. С. Лихачева. 2-е изд. СПб., 1996. С. 47.

¹⁴ Куев К. М. Черноризец Храбър. София, 1967. С. 91—148.

¹⁵ Эту эру также справедливо называют «церковной», противопоставляя ее «гражданской» византийской. См.: Сперанский М. Н. Славянская письменность XI—XIV вв. на Синае и в Палестине. Л., 1927. С. 89.

¹⁶ Истрин В. М. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Пг., 1920. С. 209.

¹⁷ Grumel V. *Traité d'études byzantines*. Paris, 1958. P. 126.

¹⁸ См.: Степанов Н. В. Летописец вскоре патриарха Никифора в Новгородской кормчей // ИОРЯС. СПб., 1912. Т. 17, кн. 2. С. 269—270.

¹⁹ Шапов Я. Н. Византийские хронографические сочинения в древнеславянской кормчей Ефремовской редакции // Летописи и хроники. 1976. М., 1976. С. 256.

²⁰ Истрин В. М. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе / Репринт. изд. материалов В. М. Истрина. Подгот. М. И. Чернышевой. М., 1994. С. 259.

нологии жизни Христа в соответствие с цифрой 6000. К этому мы еще вернемся, пока же заметим, что на выбор эры памятниками круга Хронографа по великому изложению расчеты Малалы не повлияли.

Впрочем, выражение «выбор эры» обязывало бы слишком ко многому. Строго говоря, у нас нет оснований утверждать, что дата рождения Христа создателями хронографов как-то увязывалась с принадлежностью к той или иной эре. Но прежде чем делать окончательные выводы, обратимся к так называемым дополнительным элементам летоисчисления, используемым русскими хронографами.

Начнем с индикта. В отличие от других хронологических циклов, индикт не имеет под собой никаких естественнонаучных оснований и является образованием искусственным. Индикт — это византийский способ фиксации времени, причем до IV в. н. э. нет примеров его использования. По свидетельству Пасхальной хроники, начало счета индиктами относится к 312 г.²¹ Есть основания полагать, что сама идея индикта гораздо старше. Применительно к рассматриваемой нами теме можно, в частности, указать, что в ряде русских хронографов (на основании Хроники Иоанна Малалы) читаются сведения о том, что «индыкты и висикосты обрѣте» еще Юлий Цезарь,²² в ЕЛ-2 (в составе вошедшего туда «Слова о рождении Богородицы») начало использования индиктов отнесено ко времени после явления архангела Гавриила Захарии.²³

Как известно, датировка посредством индикта сводится к указанию номера года внутри 15-летнего цикла. Нумерации самих циклов нет, что можно рассматривать как самый крупный недостаток этой системы. Надо полагать, впрочем, что недостатком это является скорее для позднейших исследователей. При повседневном использовании, когда смешение двух или трех пятнадцатилетий было маловероятным, индикт был вполне приемлем, о чем, собственно, и свидетельствует его долголетие. То, что индикты умели использовать на Руси, хорошо известно. Индикты как дополнительный элемент датировки проставлялись при сообщениях о современных событиях. Они могли сопровождать летописную статью, обозначать время написания рукописи, т. е. выполнять свою сугубо датирующую роль, в отличие от абсолютной хронологии, имеющей более широкие функции.

Фрагментарно присутствуют индикты и в рассматриваемых хронографах. Но наиболее последовательно они представлены в КП, демонстрирующей особый вкус к хронологическим выкладкам. Интересным здесь является ретроспективный подсчет индиктов вплоть до сотворения мира. Нам неизвестно использование на Руси индикта применительно к библейскому периоду, хотя в чисто техническом смысле противопознаний этому нет. Можно вспомнить, что в «Учении, имже ведати человеку числа всѣхъ лѣтъ» Кирик называет, среди прочего, количество индиктионных циклов от Адама.²⁴ Что касается индиктов в КП,²⁵ то подсчеты в пределах первой тысячи лет правильны (исключая 5-й индикт для 930 г. вместо правильного 15-го. Впрочем, эта ошибка вполне может объясняться палеографически). На отрезке от 1372 г. до 1413 г., за несколькими

²¹ Lersch В Einleitung in die Chronologie S 68—69

²² См., например Творогов О В Материалы к истории русских хронографов 3 Троицкий хронограф С 297

²³ Летописец Еллинский С 197

²⁴ Учение имже ведати человеку числа всех лет / Пер и коммент В П Зубова // Историко-математические исследования М, 1953 Вып 6 С 178, 180

²⁵ За помощь в анализе дополнительных элементов летоисчисления КП приношу сердечную благодарность А А Романовой

исключениями, индикты, указанные в КП, меньше истинных на 5 единиц. Дальнейшие неточности в указаниях индиктов уже не составляют единой системы, хотя время от времени индикты, относящиеся к соседствующим друг с другом датам, отличаются от индиктов истинных на одно и то же число единиц. Какие могут быть всему этому объяснения? Возможно, КП использовала индикты, рассчитанные в другом памятнике для тех же событий, но с другими датами? Эту версию следует отвергнуть, и вот почему. Вполне можно допустить существование памятника с другими датами. Но в КП есть три расчета (и два из них — неверные) в отношении годов, за которыми не стоят никакие события — 1000, 2000 и 3000 — и вместо которых нельзя предполагать никаких других дат.

Объяснение нам видится в следующем. Индикты для указанных в КП дат не заимствовались из других памятников (кроме исключения, о котором мы скажем далее). Не рассчитывались они также путем деления на 15 с извлечением остатка (иначе отчего же вначале все посчитано правильно, а потом нет?). Скорее всего, автор расчетов пользовался таблицей, и в пределах первого тысячелетия все у него шло хорошо. Но при дальнейшем пользовании этой таблицей произошло несколько сбоев, которые, не занимаясь делением, трудно было заметить.

Особое место занимают индикты для четырех дат: а) 5486 (рождение Богородицы); б) 5500 (рождение Христа); в) 5530 (крещение Христа); г) 5533 (распятие и воскресение Христа). Вот индикты, соответствующие этим датам в КП (в скобках указываем истинный индикт): а) 1 (11); б) 15 (10); в) 15 (10); г) 3 (13). Если принять тот факт, что в индиктионном цикле индикты КП предшествуют индиктам истинным, перед нами откроется некая система: все истинные индикты меньше палейных на 5 единиц. Иными словами, приведенные палейные индикты первоначально рассчитывались для датировки в системе, где год рождения Христа — 5505-й.

Но самое существенное для нас в анализе этих четырех дат и их индиктов состоит в том, что они читаются не только в КП. Те же даты и индикты мы находим и в ПП, и (частично) в ЕЛ-2 — памятниках, отношение которых к «дополнительным элементам летоисчисления» было куда более прохладным, чем в КП. В ЕЛ-2 указаны индикты для рождения Богородицы и воскресения Христа. В двух других случаях читаются следующие формулировки: «В лѣто 5500 индикта рука христианская родися Господь...»;²⁶ «И крести же ся Господь... въ 7 часъ нощи, индикта рука, и въ упатию Руфа и Ровелья».²⁷ «Рукой христианской» назывались таблицы для вычисления полнолуний, из чего следует, что, наряду с индиктами, создатель ЕЛ-2 собирался сделать подсчеты и такого рода.

В предыдущей статье этого цикла у нас был случай указать, что вышеприведенные даты читались уже в протографе Третьей редакции Хронографа по великому изложению (далее — ХВИ).²⁸ Теперь к этому можно добавить, что при этих датах были указаны по крайней мере два индикта. Впрочем, с большой долей уверенности можно предполагать, что все из рассмотренных в последнем сюжете индиктов находились уже в протографе Третьей редакции ХВИ: не случайно они отражают одну и ту же эру. Почему они не были проставлены в ЕЛ-2, можно только догадываться. Одной из вероятных причин была, на наш взгляд, достаточная известность истинного индикта рождения Христа, что и побудило

²⁶ Летописец Еллинский... С. 199.

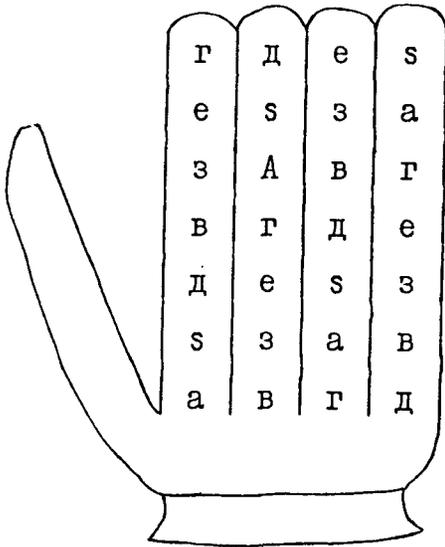
²⁷ Там же. С. 204.

²⁸ Водолазкин Е. Г. Хронология русской хронографии. Часть 2. С. 18.

создателя ЕЛ-2 не включать эту и последующую цифры его источника вплоть до окончательного выяснения.

Но вернемся к КП, где помимо индиктов имеются расчеты и по иным позициям. Приведем один из начальных фрагментов КП, где типичные для этого памятника расчеты представлены наиболее компактно: «И живе Сифъ лѣтъ ѿ и ѿ и роди Ёноса в лѣто ѿде индикта еі солнечного д̄ мезинного перста, а луны ѿ. Ёносъ, Сифовъ сынъ, живе лѣтъ ѿе, роди Каинана в лѣто фі индикта еі солнечного з̄ безыменного прѣста, а луны а̄. Каинанъ, внукъ Сифовъ, живе лѣтъ рѡ и роди Малелѣнля в лѣто хп̄ индикта ѿ солнечного г̄ [в]і, луны ѿі. Малелѣнль, правнукъ Сифовъ, живе лѣтъ рѣе и роди Дреда в лѣто ѿме индикта ѿ солнечного з̄ срѣдняго прѣста, а луны гі». ²⁹ Какие же позиции здесь обозначены? Первая — год, вторая — индикт, третья — вруцелето, четвертая — круг луны. О первых двух позициях мы уже подробно говорили, скажем вкратце и о двух остальных.

Из всех дополнительных подсчетов КП наиболее стабильно проставляется вруцелето. Вруцелето («ручная Пасхалия») указывает воскресные дни того или иного года, что является необходимым элементом определения дня Пасхи. В КП с 1 до 1372 г. оно рассчитано почти без ошибок, в дальнейшем же, особенно после 3664 г., в указании вруцелета ошибки преобладают. То, что исследователи порой принимали за тысячи (а, в, г и т. д.), — указание високосных лет: в приведенном нами примере [в]і обозначает «високосный». Данные эти рассчитывались по таблице, причем не по обычному ее типу — «руке Богословлей», где колонка високосных лет находится на мизинце, а по более ранней ее модификации, где високосные годы приходятся на указательный палец (крайняя левая колонка). ³⁰ Начало отсчета выделено нами большой буквой А (порядок счета: авгеззагдега и т. д.):

Еще одним датирующим параметром КП является указание кругов луны. Лунный цикл — это период в 235 синодических месяцев или 19 солнечных лет. Это открытие принадлежит афинскому астроному Метону (V в. до н. э.), отчего и сам цикл порой называют Метоновым. Как известно, определение круга луны является также необходимым элементом пасхальных вычислений. Круги луны, представленные в КП, на 4 единицы меньше кругов по византийскому счету. Есть разница в 3 единицы между «сирийским» и «александрийским» кругами, но к нашему случаю это не имеет никакого отношения. Система, к которой могли бы принадлежать показания КП, нам неизвестна, и данные этого памятника мы склонны считать ошибочными. В пользу такого вывода говорят и сле-

²⁹ БАН, 24.5.8, л. 11—12.

³⁰ Первый и второй типы представлены соответственно в рукописях РНБ, Соловецкое собр., № 479/498, л. 60 об. и РНБ, Ф.п.1.73, л. 394.

дующие обстоятельства. Как уже было отмечено, различие в 4 единицы выдержано последовательно, и для сотворения человека в первом году указан пятый круг луны, что и с богословской, и с хронологической точек зрения весьма сомнительно. О том, что автор подсчетов в какой-то момент мог и сам засомневаться в их истинности, говорит тот факт, что после 2772 г. круг луны перестает указываться, хотя сама позиция («а луны») неизменно обозначается.

Таким образом, анализ «дополнительных элементов летоисчисления» показывает, что элементы эти в хронографах (и прежде всего — в КП как памятнике, наиболее последовательно их внедрившем) зачастую ошибочны и имеют слабое соотношение не только с эрой, но и между собой.

* * *

Подведем итоги всему сказанному в этой и предыдущих частях настоящей статьи. В свое время не без обиды В. М. Истрин говорил о том, что хронографы не допущены «в обиход русской литературы».³¹ До некоторой степени так это остается и на сегодняшний день, и на то, очевидно, существуют свои причины. Первая из них связана с заведомой компилятивностью всякого хронографа и наличием в нем сведений, так сказать, второй руки (что еще со времен Крумбахера выражалось в противопоставлении историков и хронистов). При таких обстоятельствах основным подходом к хронографу стал, за редкими исключениями, подход источниковедческий в том узком его смысле, когда произведение рассматривалось как совокупность заимствований, как некий конгломерат, сам по себе не представляющий, в отличие, скажем, от летописания, ценности как исторический источник. Сопоставление с летописанием в одной только этой плоскости во многом объясняет разную интенсивность исследования двух названных ветвей историографии.

Меньшую, по сравнению с другими жанрами, изученность хронографии можно рассматривать как еще одну важную причину отсутствия ее в «обиходе русской литературы». Существование в летописании или, скажем, агиографии белых пятен не отменяет в то же время хорошего общего знания о предмете. Законы функционирования этих жанров известны, что позволяет им быть сформулированными в курсах истории русской литературы, а это, надо полагать, и есть тот ее «обиход», в который, по мнению В. М. Истрина, не было допуска хронографам. Учитывая вышесказанное, помимо источниковедческих наблюдений настоящая работа (в продолжение традиции исследования хронографов, представленной в трудах Д. С. Лихачева и О. В. Творогова) предлагает ряд замечаний, касающихся жанровых особенностей хронографа.

Русское историческое повествование располагает еще двумя жанрами, без сравнения с которыми невозможно выяснение особенных черт русского хронографа. Это летописи и хроники.³² Если разница между хронографом и летописью поддается определению без труда (предметом их описания являются разные типы истории), то в отношении хроники дело обстоит сложнее. Чем, собственно, различаются хронограф и хроника, помимо места их создания? Ничем. Но именно это формальное отсутствие различия и позволяет со всей определенностью указать на существен-

³¹ Истрин В. М. Особый вид Еллинского летописца из собрания Тихонравова // ИОРЯС. СПб., 1912. Т. 17. С. 28.

³² О терминологии отечественной медиевистики см.: Творогов О. В. Задачи и перспективы издания хроник и хронографов // Летописи и хроники. 1976. М., 1976. С. 189.

ную черту, делающую один жанр непохожим на другой. В аспекте хронологическом это может быть сформулировано так: и хроники, и хронографы (с большими или меньшими отклонениями в частных случаях) описывают примерно один и тот же временной отрезок — от сотворения мира до X в. н. э., т. е. до времени, которым оканчивается основной источник русской хронографии — Хроника Георгия Амартола (в состав которой мы традиционно включаем и текст «продолжателя» — Симеона Логофета). Из этого хронологического равенства хроник и хронографов следует, что если для византийской хроники определенная часть излагавшейся истории была историей национальной, то для древнерусского хронографа таковой она не была ни на одном этапе. Таким образом, несмотря на сходство в объеме материала и принципах его организации, в хрониках и хронографах мы видим разное отношение к национальной истории.

Особенности ранней русской хронографии будут очерчены еще более ярко, если обратиться к современным ей западноевропейским аналогам. Классификация типов западноевропейского исторического повествования в свое время была дана Х. Грундманном, выделившим следующие позиции: а) исторические песни; б) истории (происхождение) народов (здесь упоминаются такие авторы, как Кассиодор, Григорий Турский, Исидор Севильский, Беда Достопочтенный и др.); в) всемирные хроники (переведший Евсевия Кесарийского Иероним, Павел Орозий, Отгон Фрейзингенский и др.); г) анналы. Здесь мы опускаем еще несколько типов, выделяемых Грундманном, но являющихся скорее дополнительными историческими источниками.³³ Учитывая все ветви исторического повествования, эта классификация в то же время не устанавливает соотношения между указанными типами. Речь идет о том, что, скажем, «происхождение народа» (*origo gentis*) пребывает в одном ряду и с исторической песней, и с всемирной хроникой (*Weltchronik*), несмотря на то что в большинстве случаев является разновидностью последней. В этом смысле нам ближе позиция А. Бринкен, обозначающей оба сходных типа термином *Weltchronik*.³⁴ Возвращаясь же к нашему сопоставлению с западными аналогами, можно сделать следующий вывод. Восходя к византийской хронике, древнерусский хронограф и западноевропейские всемирно-исторические компиляции и генетически, и типологически тесно друг с другом связаны, что позволяет не только сравнивать их между собой, но и говорить о едином для всей средневековой Европы типе всемирно-исторической хроники.

В первой части настоящей статьи мы приводили составленную А. Бринкен схему соотношения «всемирной» и «национальной» истории в западноевропейских хрониках.³⁵ Эта схема показывает, что современная автору история — непрерывная часть этих памятников. Таким образом, если западные всемирно-исторические своды сохранили характерную для Византии пропорцию между историей древней и современной, то древнерусские хронографы вплоть до XV в. современную (национальную) историю не включали, ограничиваясь в лучшем случае краткими сообщениями (например, о крещении Владимира). На фоне сходных с западными принципов организации материала (да и самого материала, ведь в основе большинства западноевропейских хроник лежал латинский перевод Хро-

³³ Grundmann H. *Geschichtsschreibung im Mittelalter // Deutsche Philologie im Aufbruch*. Berlin; Bielefeld; München, 1962. 24. Lieferung. Bd 3. S. 2221—2286.

³⁴ Brincken A. D. v. den. *Studien zur lateinischen Weltchronistik bis in das Zeitalter Ottos von Freising*. Düsseldorf, 1957. S. 3—50.

³⁵ Водолазкин Е. Г. *Хронология русской хронографии. Часть 1*. С. 24.

ники Евсевия Кесарийского) отсутствие национальной истории в ранней русской хронографии и является ее особенной, в известном смысле — жанровой чертой. Значение этого факта мы предполагаем рассмотреть в отдельной работе, посвященной соотношению хронографии и летописания. Существенной частью такой работы могло бы быть также сопоставление систем фиксации времени в обоих жанрах, о чем сейчас скажем только вкратце.

Если преобладающим типом датировки в летописи является хронология абсолютная (т. е. предполагающая единую точку отсчета дат), то в хронографии важное место принадлежит хронологии относительной, связывающей датировку с тем или иным правлением или событием. Это традиционно хронографический тип датировки, который в смысле его существования всем иным способом можно было бы назвать архаическим. Этот тип был закреплён византийскими хрониками, следовавшими принятым в их время способам датировки. Оттуда он впоследствии попал и в русские хронографы. Вместе с тем летописанием была избрана хронология абсолютная. В объяснении причин этого я всецело присоединяюсь к точке зрения Д. С. Лихачева, изложенной им при обсуждении начального этапа данной работы. Речь идет не столько о сознательном выборе, сколько о невозможности для летописца использовать хронологию относительную. При отсутствии единовластия нельзя было соотносить историю с князьями, подобно тому как это делалось в отношении императоров. Потому русская история на раннем этапе была скорее историей земель, а не князей, правивших этими землями. Лишь появление единого княжеского рода дало впоследствии возможность перейти к византийскому типу (Степенная книга).

Но на определенном этапе абсолютная хронология начинает использоваться и древнерусскими хронографами. В результате проведенного исследования история абсолютных дат в хронографах представляется нам в следующем виде. Первая и Вторая редакции Хронографа по великому изложению³⁶ к абсолютной хронологии не прибегали. В памятниках же, восходящих к Третьей редакции ХВИ (КП, ПП и ЕЛ-2), абсолютные даты весьма распространены. Особое место занимает КП, в которой такой тип датировки является системой, охватывающей, за небольшими исключениями, все повествование. Палеями, с одной стороны, и ЕЛ-2 — с другой датируются разные события. Но есть один хронологический отрезок, в пределах которого во всех памятниках совпадают датируемые позиции, а в ряде случаев — и сами даты. Это время от царствования Калигулы до царствования Веспасиана.³⁷ Указанный факт позволил сделать вывод, что абсолютные даты архетипа Третьей редакции ХВИ ограничивались этим отрезком. Данные архетипа Третьей редакции были использованы восходящими к нему памятниками. Более того. Каждый из этих памятников попытался увеличить ряд абсолютных дат самостоятельно.

Как уже было сказано, наиболее последовательной в этом была КП. Даты ветхозаветной истории, представленные в КП, рассчитаны на основании данных, восходящих в конечном счете к Септуагинте. Напомним, что разница в допотопной хронологии еврейского и греческого текстов исходит из разницы в датировке рождений патриархов. Некоторые из

³⁶ О редакциях ХВИ см Творогов О В Древнерусские хронографы Л, 1975 С 46—54

³⁷ Все данные нами отражены в таблице См Водолазкин Е Г Хронология русской хронографии Часть 2 С 15—16

раннехристианских интерпретаторов объясняли эту разницу стремлением иудеев доказать, что Мессия еще не приходил.³⁸ Впрочем, уже блаженный Августин (О граде Божием, 15-я книга, главы 10—13) находил такую правку технически трудновыполнимой и считал разницу в датировках результатом ошибки, которую легко допустить в цифрах. Вопрос о соотношении двух типов библейского текста стал актуален в конце XV в., когда им, в частности, занимался новгородский архиепископ Геннадий.

Расчеты КП содержат множество ошибок, но характер этих ошибок как раз и позволяет утверждать, что они — результат использования данных тех памятников, которые известны как основные источники КП.³⁹ Этими источниками на разных этапах повествования были Толковая палея, Хроника Георгия Амартола, Летописец вскоре патриарха Никифора и др. Из этого следует, что данный ряд абсолютных дат составлялся на Руси, и происходило это в связи с созданием определенного типа произведений. Вместе с тем несколько сбоя в соотношении дат с событиями⁴⁰ позволяют представить технологию такого рода расчетов. Делались они не по мере написания произведения, а предварительно, т. е. к началу работы уже была готова хронологическая сетка. Тем или иным образом эта сетка попала и в распоряжение составителя ПП, ведь, как известно, указанные даты фрагментарно присутствуют и там. Не исключено, что они попали туда через какой-то ранний вариант КП. Как бы то ни было, все это представляется, так сказать, внутриспальной делом, поскольку к архетипу Третьей редакции ХВИ восходят лишь даты от Калигулы до Веспасиана.

Помимо хронографических палей этими датами архетипа Третьей редакции ХВИ воспользовался ЕЛ-2, также продолживший их собственными расчетами на основании Хроники Георгия Амартола. В данном случае надо полагать, что расчеты производились непосредственно по мере создания памятника. В ЕЛ-2 заявлено большое количество позиций для датировки, но даты во многих случаях не проставлены или проставлены только тысячелетие и столетие с тем, чтобы уточнить оставшиеся две цифры. Таким образом, на определенном этапе (а именно на этапе Третьей редакции ХВИ) в русскую хронографию входит абсолютная хронология. Возникнув первоначально на ограниченном отрезке повествования, система абсолютных дат была самостоятельно развита и расширена в различных памятниках.

Но эти расчеты рассматриваемых памятников не ограничиваются. Хронографы приводят также данные по таким позициям, как индикт, круг луны и вруцелето. Здесь опять-таки особое место занимает КП, представляющая наиболее полные, последовательные, хотя и далеко не безукоризненные расчеты. Используя, как мы полагаем, в этих расчетах таблицы, создатель КП допустил несколько сбоя. Не повторяя в подробностях выводы, полученные при исследовании дополнительных датирующих элементов, упомянем лишь самое существенное. Индикты КП для ряда дат, относящихся к жизни Христа и Богородицы, меньше истинных индиктов на 5 единиц. Но те же показатели индиктов читаются в ПП и ЕЛ-2. Если учесть, что для последних двух памятников не было обыкновением проставлять индикты, отмеченный факт позволяет расширить наши представления о Третьей редакции ХВИ.

³⁸ Adler W. Time Immemorial. Archaic History and Its Sources in Christian Chronography from Julius Africanus to George Synkellus. Dumb. Oaks, 1989. P. 48—49.

³⁹ Водолазкин Е. Г. Хронология русской хронографии. Часть 1. С. 35.

⁴⁰ Там же.

Ядром всех хронологических расчетов в памятниках, восходящих к Третьей редакции, был, на наш взгляд, фрагмент о Христе и Богородице. Архетип Третьей редакции от предыдущих редакций унаследовал христологическую компиляцию, включавшую, как нами было показано, фрагменты Панариона Епифания Кипрского.⁴¹ Эти фрагменты были использованы архетипом Третьей редакции, включившим при этом и другие сообщения о Христе и Богородице, снабженные не только датами, но и индиктами. Поскольку все индикты в этом фрагменте не соответствуют приведенным датам, отличаясь от требуемых на 5 единиц, следует допустить, что они рассчитывались отдельно и, скорее всего, в самих этих сообщениях уже содержались. Некоторые же из дат, как мы полагаем, были рассчитаны в архетипе Третьей редакции на основании апокрифического Жития Богородицы.⁴² Источник, из которого эти сообщения и индикты были заимствованы архетипом, нам неизвестен, можно лишь предположить, что он нехронографического происхождения. Такого рода приписки с указанием индиктов, кругов солнца и луны встречаются, например, в следованных Псалтирях.

В дальнейшем памятники, восходившие к Третьей редакции ХВИ, стали проводить свои расчеты. Некоторые из своих данных они привели в соответствие с абсолютной хронологией архетипа, которая ограничивалась временем Христа, и взялись за собственные подсчеты по всей хронологической оси. Возможно, расчеты архетипа и послужили до некоторой степени образцом для позднейших памятников. Но вряд ли это стоит рассматривать в качестве основной причины «вычислительного бума» в хронографах. Такого рода образцы летописание давало гораздо раньше, но ничего подобного не происходило. Очевидно, речь может идти о каких-то более глубоких процессах, чем простое подражание. Об этом говорят и результаты нашего исследования, указывающие на независимый подсчет дат в различных памятниках. Простая аналогия с летописанием тем более проблематична, что самый «считавший» памятник — КП — указывает еще и индикты, круги луны и вруцелета. Если летописи фрагментарно и использовали индикт, то круги луны и вруцелета для них никак не характерны. Последние две позиции — элемент пасхалистических расчетов, и это, как кажется, дает для рассуждений определенное направление, о чем мы скажем далее.

Говоря же о сложности прямых параллелей с летописями, мы вовсе не отрицаем возможного их влияния. Вполне вероятно, что за несколько веков своего функционирования летописный способ датировки из чисто русской особенности, противостоявшей византийскому образцу, сам превращается в образцовый тип датировки. Так или иначе попав в хронографию, абсолютные даты приобретают дополнительный, не свойственный летописанию смысл, отражающий особый, хронографический, тип исторического повествования. Вспомним, что сам этот тип повествования, сам жанр всемирной хроники (или хронографа) первоначально возникает из размышлений о конце света. «Отец» христианской хронографии, друг Оригена, Юлий Африкан был прежде всего хронологом. Его целью было успокоить тех, кто ждал немедленного конца света,⁴³ и в этом смысле можно говорить, что всемирная хроника создавалась как функциональный жанр. В разные эпохи эта функция то ослабевала, то

⁴¹ Водолазкин Е. Г. Хронология жизни Христа в русских хронографах // Православие и культура. Киев, 1996. № 1. С. 18—19.

⁴² Там же. С. 19.

⁴³ См. Brincken A. D. v. den Studien zur lateinischen Weltchronistik bis in das Zeitalter Ottos von Freising. S. 53.

усиливалась. Характерно, что ни Первая, ни Вторая редакции ХВИ никаких хронологических подсчетов не производили. Эти редакции были созданы в ту эпоху, когда вопрос о конце света, для христианина всегда неспростный, не имел тем не менее особой остроты. Пристальное внимание к хронологии появляется только в Третей редакции и кульминацией своей достигает в самом позднем, на наш взгляд, памятнике — КП. К сожалению, ранние хронографы, не касавшиеся современных им событий, с трудом поддаются датировке. Некоторые косвенные данные позволяют связывать создание КП с XV в. Это, в частности, наличие арабских названий планет, до XV в. неизвестных⁴⁴ О позднем происхождении свидетельствует и необычайный интерес КП к хронологии.

XV век смело можно назвать веком хронологических расчетов, связанных с ожиданием конца света и начавшихся задолго до 1492 г.⁴⁵ О том, насколько идея о конце света в 1492 г. была крепка в общественном сознании, лишний раз свидетельствует распространенность упоминаний о ней. О близком конце света как о факте само собой разумеющемся несколько раз сказано в Житии Стефана Пермского.⁴⁶ Мнение Епифания Премудрого, одного из образованнейших людей своего времени, показывает, что данная идея существовала отнюдь не на уровне суеверия. По свидетельству архиепископа Геннадия, «о том мльва была в людѣх, не токмо в простых, но и в преимуших; о сем многим сумнѣние бысть».⁴⁷ Размышления о конце света отразились в самых разных жанрах, поскольку вопрос, без сомнения, касался всех сфер бытия⁴⁸

На разных этапах истории попытки определения конца света предпринимались во многих христианских странах, всякий раз имея своих сторонников и противников. Одним из наиболее аргументированных возражений было на Руси «сказание» о «скончании седьмой тысящи», первичное, как полагают, по отношению к аналогичному тексту в «Просветителе» Иосифа Волоцкого.⁴⁹ «ныне устремишася нецыи рещи: 7000 лет жити, а егда настанет осмая тысяща, тогда конец будет. Аще и вся писания прочтеши, не обрящещи того, но, яко же рех, неведомо никому всемирное скончание написаша».⁵⁰

Итак, независимо от соотношения сторонников и противников идеи о близком конце света можно с уверенностью сказать, что занимала она очень многих и была идеей общественной. Одним из важных вопросов стала сумма лет от сотворения мира, т е то, что входило в сферу непосредственных хронографических интересов. При этом вряд ли было бы правильным рассматривать место хронографии в этих спорах как центральное. Ожидавший 7000 г выпадал на 1492 г от Рождества Христова,

⁴⁴ См Водолазкин Е Г К вопросу об арабских наименованиях планет в древнерусской книжности // ТОДРЛ СПб, 1996 Т 50 С 682

⁴⁵ Турилов А А О датировке и месте создания календарно-математических текстов «семитысячников» // Естественнонаучные представления Древней Руси М., 1988 С 33

⁴⁶ Святитель Стефан Пермский / Под ред Г М Прохорова СПб, 1995 С 72, 182

⁴⁷ РИБ СПб, 1908 Т 6, ч 1 Стб 810

⁴⁸ Как показывает рукописная традиция Христианской Топографии, поводом для размышлений о конце света были, среди прочего, космографические тексты Так, в рукописи РНБ, FIV 683 (л 196 об) читается запись «От рождества Христова до скончания миру сирѣчь еже на земли житиа лѣт 1500, а от воскресения Христова до скончания лѣт 1467» Интересно, что текст от слова «скончания» и до конца пытались впоследствии стереть. Всю неоднозначность ситуации отражает рукопись РНБ, Софийское собр., № 1197 (л 344), где при надписи «От рождества Христова до скончания миру Богъ вѣсть» помещена все-таки сноска с указанием предполагаемых дат

⁴⁹ Казакова Н А, Лурье Я С Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI века М., Л., 1955 С 391—394

⁵⁰ Там же С 399

и если эта дата могла вызвать сомнения, то только с той точки зрения, что подсчеты по еврейскому тексту Книги Бытия давали гораздо меньшую сумму лет за счет меньшего возраста каждого из праотцов к моменту рождения первенца. Как известно, это обстоятельство вызывало недоумение Геннадия Новгородского, спрашивавшего, как быть с годами, в которые «цари и папы и патриархи писаны по именову, и то тех где вмещати?».⁵¹ Но, как уже было сказано, все русские хронографы основывались на Септуагинте, и подобной проблемы для них не возникало. Вместе с тем общее умонастроение отразилось и в хронографии. Так, КП в трех местах указывает, что «скончася» соответственно первая, вторая и третья тысячи лет. Для этих дат просчитаны все дополнительные элементы времяисчисления, приводимые обычно в КП. Иными словами, в этом памятнике тысячелетие впервые представлено как самостоятельная позиция. После упоминания о Фалеке идет указание на третью тысячу лет, и далее — до сообщения об Аврааме — следует только относительная хронология. Не исключено, что отсутствие упоминания следующих тысячелетий связано с Фалеком (чье имя значит «деление») и подразумевает принадлежность к традиции Юлия Африкана исчислять возраст мира шестью тысячами лет (об этом мы скажем далее). Если Африкан мог себе позволить исчислять этот возраст шестью тысячами, то для создателя КП, стоявшего на пороге 7000-летия мира, это уже не было актуально. Трудно сказать, эта ли мысль остановила расчет тысячелетий в КП или создатель памятника, обнаружив противоречия в своих хронологических выкладках, понял, что истинную сумму лет ему не получить, — но указания тысячелетий в этом памятнике ограничены тремя.

Характерно, что к проблеме конца света обращается один из «особых» списков того же памятника.⁵² Содержащаяся в нем поздняя редакция КП включает в свой состав текст, который, не снимая вопроса о семи тысячах лет (а они, надо полагать, к тому времени уже истекли), упоминает вместе с тем о восьмой бесконечной тысяче: «И постави Богъ противу седми дней 7000 лѣтъ, а [о]смой тысячи нѣсть конца, еже есть осмый день, сирѣчь вѣкъ, не мерца бесконечный. Въ единъ день, той есть в субботу, прообразова гроб и воскресе во осмый день великий, понеже во осмый день по воскресении прииде Господь ко ученикомъ своимъ к дверемъ затворены[м] увѣрити Фому. Якоже во осмый день обрѣзася по закону Моисеову, явѣ есть во осмый вѣкъ, сирѣчь во 8000, приидеть Господь на облацѣх судити живымъ и мертвымъ и воздасть комуждо по дѣломъ его. Мню, яко в самый той день приидеть Господь судити вселеннѣй вправду в недѣлю Фомину, якоже бо недѣля имать седмь дней противу жития человекъ: первое — рождение человекъ, второй день — уноша, третий день — муж совершенъ, четвертый день — средовѣчие, пятый день — сѣдина, шестый день — старость, седмый день — скончание».⁵³

Отдельно следует сказать об отношении хронистов к хронологическим расчетам. Для создателя хронографа цифра, выражающая число, не была чем-то внешним по отношению к предмету. В некотором смысле она была частью его сущности. Этим во многом объясняется встречающееся в хронографах сосуществование разных датировок одного и того же события. Например, в КП, где каждая дата тщательно анализируются

⁵¹ Там же. С. 311.

⁵² От прочих списков КП отличаются списки РНБ, Соловецкое собр., № 866/976 и РНБ, Погодинское собр., № 1434.

⁵³ РНБ, Соловецкое собр., № 866/976, л. 5 об.—6.

лась, такое сосуществование трудно объяснить просто безразличием составителя или тем, что определенную цифру «зачерпнули» вместе с очередным заимствованием. Особенность КП состоит не только в самостоятельных расчетах. Создатель памятника был достаточно самостоятелен и в обращении с источниками. Складывается впечатление, что те немногие датировки, которые в источниках сопровождали описание событий, рассматривались создателем КП как нечто имманентное самому событию. И хотя самостоятельные расчеты давали иные результаты, дата источника оставалась на месте. Это касается, в частности, даты потопа и двух хронологических систем эпохи Авраама.⁵⁴ Относительно более позднего периода нам уже приходилось упоминать указание одновременно и 12-го, и 20-го годов царствования Константина в качестве датировки 1-го собора.⁵⁵ Пример сосуществования разных датировок на материале перевода *Χρονοῦραφικὸν σὺντομὸν* патриарха Никифора приводит Н. В. Степанов: «Признав верной не окончательную сумму лет от потопа до Авраама 1072 года, а сумму отдельных слагаемых, т. е. 1082 года, автор... не ввел, однако, эту сумму явно, а, разделив весь указанный период на две части, дал ее двумя отдельными слагаемыми (530 и 552), в сумме равными этому числу... Может быть, такое решение более соответствовало тогдашним понятиям о литературной этике...».⁵⁶ Как показывает анализ данных русских хронографов, за «имманентной» Рождеству Христову датой «5500» трудно увидеть собственные расчеты хрониста или его сознательный выбор той или иной эры.

В хронографической литературе существовал еще один способ обращения с несовпадающими датировками. Автор устранился от решения задачи и возлагал это на читателя, представляя целый ряд дат и источников. Таковы расчеты времени исхода в *Χρονοῦραφικὸν σὺντομὸν*: по Септуагинте и по другим источникам.⁵⁷ Так поступает создатель Троицкого хронографа с датировкой рождения Христа, ссылаясь на отцов церкви и на Епифания Кипрского.

Вообще следует отметить, что в такой области, как средневековая хронология, обилие источников было скорее бедствием, чем благом. В отличие от других видов знания, дополнительные хронологические источники не столько расширяли, сколько отрицали уже имевшиеся сведения, ставя хронистов перед нелегким выбором. Существовали сложности, основанные на расхождении в цифрах, но эти сложности были для хронистов по крайней мере очевидны. Были, однако, ошибки, в полной мере даже не осознававшиеся. Например, соединение разных хронологических систем, в первую очередь эр. Для авторов, не знакомых с тонкостями различия эр, было естественным предположить, что датировки различными памятниками одних и тех же событий должны совпадать. Характеризуя работу патриарха Никифора, Н. В. Степанов именно в этом смысле назвал его «жертвой своей добросовестности».⁵⁸ Анализ хронографических датировок — «основных» и «дополнительных» — приводит к выводу, что авторы расчетов с определенной эрой их не соотносили. Указание 5500 г. как времени рождения Христа могло бы формально связывать русские хронографы с эрой Африкановой, если бы расчет дат там не

⁵⁴ Водолазкин Е. Г. Хронология русской хронографии. Часть 1 С 33—34

⁵⁵ Там же С 30

⁵⁶ Степанов Н. В. Летописец вскоре патриарха Никифора в Новгородской кормчей С 286

⁵⁷ См. Водолазкин Е. Г. Хронология русской хронографии. Часть 1 С 28

⁵⁸ Степанов Н. В. Летописец вскоре патриарха Никифора в Новгородской кормчей С 273

сводился преимущественно к механическому сложению указаний источников. То, что дата 5500 существовала совершенно независимо от расчетов, красноречиво подтверждает текст, содержащийся в упомянутой особой редакции КП: «По сему лѣтописцу от перваго человѣка, родоначалника Адама, даже рожества Христова родословиемъ человѣческаго бытия лѣты знаменитых и славныхъ — царей же и судей, и владѣлецъ — сочтено лѣтъ 5500. Лишка же обрѣтется 28 лѣтъ, а по Библии разгласуется умалениемъ: не достало в 5500-е лѣто 52 лѣта и мѣсяць 6».⁵⁹

Столь подробно о хронографическом отношении к цифре мы говорим не случайно. В хронографах вообще очень много цифр. Трудно найти другой такой жанр, где было бы указано столько размеров, возрастов, датировок и т. д. Применительно к повествованию об истории далекой, «эпической», имеющей в высшей степени символический смысл, это, на первый взгляд, может показаться странным. Вместе с тем с точки зрения иудео-христианской богословской традиции число было также чрезвычайно важным подтверждением символичности, многомерности связанного с ним события. Если одним своим полюсом событие пребывало в сфере идеи, пророчества, то вторым необходимым его полюсом, полюсом реальности, было число, и традиция эта идет, разумеется, от Библии. Вспомним, что четвертая библейская книга в версии Септуагинты так и названа — Ἀριθμοί (Числа).

Библейская любовь к числу в полной мере была воспринята христианами богословами: в симметрии чисел им виделась симметрия мира и происходящих в нем событий. Юлий Африкан подсчитал, что рождение Христа падает на 5500 г. Африкан исходил из того, что страсть Христова выпала на шестой час шестого дня недели, что, по его мнению, указывало на середину шестого тысячелетия. Кроме того, Африкан привнес во внимание, что в 3000 г. родился Фалек, чье имя значит «деление» и является половиной 6000-летнего периода. 6000-летний возраст мира выводился также из шести дней творения, поскольку на основании 89-го псалма («Ибо пред очами Твоими тысяча лет, как день вчерашний...») каждый день приравнивался к тысяче лет. Такая трактовка принадлежит, в частности, Ипполиту Римскому. По его же толкованию, поскольку ковчег Моисея в сумме измерений составлял 5,5 локтей (Исх. 25: 10), Христос как истинный ковчег должен был прийти в 5500 г.⁶⁰ Традиция подобных толкований была характерна для литературы самого разного рода и касалась самых разных хронологических отрезков. Так, апокриф о Мелхиседеке 318 человек, бывших с Авраамом, связывает с 318 отцами Никейского собора, которым «бѣаше число по образу патриарха Авраама, бѣаху бо 318».⁶¹ Но, попав уже в самое раннее время в хронографию, прием этот в хронографическом богословии стал одним из любимых. Источником сопоставлений такого рода для русских хронографов была преимущественно Толковая палея. Так, в рассказе о четвертом дне творения трехдневное отсутствие светил и света прообразует трехдневное пребывание Господа во гробе.⁶² Или другой пример использования магии цифр: «Елма убо мнози, стязаются глаголютъ, колико днии пребысть Адамъ в раю, инии убо глаголютъ 6 часовъ, понеже въ 6 часъ распять бысть Спасъ и въ 6 часъ приступи Господь и обличи

⁵⁹ РНБ, Соловецкое собр., № 866/976, л. 226.

⁶⁰ См. подробнее: Häusler M. Das Ende der Geschichte in der mittelalterlichen Weltchronistik. Köln; Wien, 1980. S. 7—9.

⁶¹ РНБ, Q.I.788, л. 183 об.

⁶² Толковая палея 1477 г. СПб., 1892. Вып. 1. Л. 4.

самаряныню и отъ грѣха ю очисти, подавъ ей воду живу. Глаголетъ же Божественое Писание, яко 40 днии пребысть Адамъ в раи, тому убо послѣдуа святыи церковныи ликъ единою всего лѣта въ 40 днии крѣпко постъ дръжати. ...Спасъ же нашъ за пищу райскую постися 40 днии в пустыни». ⁶³ Заметим, кстати, что символика числа «40» приведенной цитатой отнюдь не исчерпывалась. В этом же ряду христианская традиция упоминала 40 дней потопа, 40 дней Моисея на Синае, 40 лет царства Давида, 40-летние периоды спокойствия в Израиле, 40 дней пути Илии и др. ⁶⁴

Датировки посредством этой своеобразной «мистической хронологии» в средневековом восприятии не вызывали сомнений. Они покоились на представлении о всеобщей связанности и единстве. Идея единства мира проявлялась на разных уровнях, и, в частности, в единстве события и числа. Известно, что до IV в. включительно большинство восточных христиан праздновало Рождество Христово 6 января, соотнося его с крещением (как вторым рождением), а также с браком в Кане Галилейской. ⁶⁵ В случаях, когда сталкивались историография и богословие, нередко побеждало богословие, располагавшее с точки зрения средневековья истинной высшего порядка. Так, поставив задачей согласовать свою систему датировок с пасхальным циклом, Анниан впадает в очевидный анахронизм, относя время рождения Христа к моменту, когда уже не было в живых Ирода, а время распятия — к 42 г., т. е. спустя 5 лет после смерти Тиберия.

Несомненно, что дополнительные датировки КП в пасхалистической системе следует также рассматривать в ряду попыток поверить арифметику богословием. О роли пасхалистической аргументации в определении конца света свидетельствует традиция, зафиксированная в рукописях начала XV в., и среди прочих — в рукописях Кирилло-Белозерского монастыря. Согласно этой традиции, конец света приходился на 1459 г. И увлекалась эта дата вовсе не из подсчета лет, а на основании того, что круги солнца и луны для этого года (6967 г. от сотворения мира) совпадали с кругами солнца и луны для года распятия Иисуса Христа: «...якоже в распятии Христовѣ сий круг солнцу бысть 23, луны 13, сие лѣто на конци явися, во нь же чаем всемирное пришествие Христово». ⁶⁶ Примечательно, что круги эти даны в уже упоминавшейся системе Анниана, относившей распятие к 42 г. Вполне логично предположить, что пасхалистические расчеты создателя КП имели сходный с этой традицией смысл, а также и то, что сама традиция была ему известна. В этом случае его не могло не насторожить, что собственные его расчеты для года распятия, каковым он считал 5533-й, не совпадали с доступными ему цифрами, отражавшими другую систему. О том, что так это, судя по всему, и было, свидетельствует то, что, начиная с евангельского периода, круги луны в КП не проставляются, хотя сама позиция продолжает указываться в надежде на позднейшее выяснение.

Завершая этот сюжет, отметим, что расчеты историков и пасхалистов пребывали в гораздо более тесной связи между собой, чем это кажется на первый взгляд. Традиция западноевропейской анналистики изначально связана с пасхальными расчетами. Из пасхальных таблиц Дионисия

⁶³ Там же. Л. 45 об.

⁶⁴ См., например: Словарь библейского богословия. Брюссель, 1990. Стб. 1256.

⁶⁵ См.: Die Religion in Geschichte und Gegenwart. Tübingen, 1962. Bd 6. S. 1566—1569.

⁶⁶ См.: Прохоров Г. М. Книги Кирилла Белозерского // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 58—60. Благодарю Г. М. Прохорова, обратившего мое внимание на рассматриваемый текст.

Малого Беда Достопочтенный перенес в историографию летоисчисление от Рождества Христова. Не исключено, что именно пасхалия легла в основу погодных записей русского летописания. Это было опять-таки проявлением идеи единства мира и всего в нем происходящего.

С представлением о единстве исторического процесса был связан самый жанр христианской хроники, посвященный истории «всего мира», что бы в понятие «весь мир» при этом ни вкладывалось. Единый мир требовал синхронизации событий, происходивших в различных его частях. Источником исторических сопоставлений была для русской хронографии преимущественно Хроника Иоанна Малалы, последовательно синхронизировавшая события, исторических лиц и античных богов.

Другой стороной идеи единства истории была ее, истории, непрерывность. Вслед за византийскими хрониками русские хронографы перечисляют библейских царей, византийских императоров и т. д. — независимо от наличия или отсутствия сведений о них. Их имена были элементами хронологического ряда, они поддерживали его непрерывность. Подобную идею выражали «пустые годы» русских летописей. В этой же связи необходимо сказать и о характерных для христианской историографии временных «скрепах». Частые указания количества лет между теми или иными событиями не только «цементируют» исторический ряд, но заставляют сакральные события словно бы отражаться друг в друге. Напомним, что речь в данном случае идет о событиях, связанных либо со священной историей, либо — в византийской части — с упоминанием о вселенских соборах.

Большая часть указанных сопоставлений в русских хронографах восходит к сочинению константинопольского патриарха Никифора Χρονογραφικὸν βύβλιον. В ходе исследования этих заимствований нами было установлено, что отражают они не распространенный на Руси перевод греческой редакции N этого сочинения, а перевод редакции N'.⁶⁷ Непосредственным источником этих фрагментов русских хронографов явилась Толковая палея. В свое время несколько чтений этой редакции были замечены А. А. Шахматовым в «Повести временных лет».⁶⁸ Наличие большого фрагмента редакции N' в Толковой палее не позволяет считать летописные чтения случайностью. Это дает возможность говорить об известности на Руси и перевода редакции N'. Сам по себе существенный, этот факт приобретает особое значение в качестве обстоятельства, способного пролить дополнительный свет на историю ранней хронографии и раннего летописания. В разное время исследователями было указано на сходство ряда фрагментов «Повести временных лет» с фрагментами Толковой палеи. Это касается рассказов о расселении народов, столпотворении, Аврааме, Моисее, наблюдается сходство и в пророчествах.⁶⁹ Теперь к этому перечню можно прибавить и редакцию N' сочинения Никифора. Расширение круга общих источников Толковой палеи и «Повести временных лет» дает повод для размышлений, и к этому вопросу мы собираемся обратиться в статье, посвященной взаимоотношению хронографии и летописания.

⁶⁷ См. Водолазкин Е. Г. Хронология русской хронографии. Часть 1. С. 27—31.

⁶⁸ Шахматов А. А. Повесть временных лет и ее источники // ТОДРЛ. М., Л., 1940. Т. 4. С. 64.

⁶⁹ Об этом см. Шахматов А. А. Толковая палея и русская летопись // Статьи по славяноведению. СПб., 1904. Вып. 1. С. 260—262.

Как уже было отмечено, расчет лет между событиями как бы скреплял историю, подтверждал ее единство. При этом единство священной истории не подразумевало единичности составляющих ее событий. Имея точно зафиксированное историческое время, события в определенном смысле повторялись. Такое воззрение наиболее полно отразилось в известном принципе взаимоотражения Ветхого и Нового Заветов. Сотворение Адама — рождение Христа как нового Адама, 40 лет странствий Моисея — 40-дневный пост Спасителя и другие приводившиеся выше сопоставления делали события достоянием и времени, и вечности одновременно. Вечность (или вневременность) как атрибут божественный могла соотноситься лишь со священными событиями. Следует полагать, что именно на этом представлении основывалась популярность евгемеристических толкований христианской, и в частности русской, хронографии. Евгемеристические толкования, главным источником которых был на Руси Малала, с историческими событиями синхронизировали античных богов, переводя последних из вечности во временной план. Рационализация мифа была в первую очередь его хронологическим осмыслением. Небезынтересно, что даже Хронос в этой системе становился сыном Ноя. Речь здесь в самом деле идет о довольно жесткой системе, находиться рядом с которой было нельзя: можно было либо войти в нее, либо не существовать вообще. В отношении античных богов путь вхождения в эту систему был найден. А в отношении, скажем, республиканского периода Рима и Греции — нет. В системе сменяющих друг друга царств республикам места не нашлось, поэтому о них просто не упоминали.

Осмыслению во времени противостояла «дехронологизация»: некоторые праведники (Енох, Илия) были взяты живыми на небо. Вот как соответствующий фрагмент Книги Бытия излагает КП: «Въ лѣто 1372. Живе Енохъ, шуръ Сифовъ, всѣхъ лѣтъ 365 и съхраненъ бысть Богомъ на обличие Антихриста индикта 2 солнечнога 2 вис[окоснаго], луна 8».⁷⁰ (Заметим в скобках, что прожитые Енохом 365 лет соответствовали количеству полных дней годового цикла!) Как отзвук изначальной вневременности, еще сопровождавший ближайших потомков Адама, воспринималось немислимое долгожительство праотцов. Последовавшее уменьшение продолжительности жизни было свидетельством удаления от райского времени, соответственным было и отношение к нему. Вот как Полная хронографическая паляя передает известный фрагмент Книги Бытия (47: 7—9): «Рече же фараонъ ко Иакову: „Колико лѣтъ житиа твоего, старче?“ — „Днии лѣтъ житиа моего, якоже обитахъ, 135 лѣтъ. Малъ и злѣ быша дние лѣта живота моего, не постигоша дние лѣт живота отца моего“».⁷¹

В заключение настоящей работы коснемся традиционного для хронологических исследований разделения на время циклическое и время линейное. Как известно, циклическим принято называть время античной историографии. Это время ни с чем не соотносится, оно замкнуто в себе и движется по кругу. С этим представлением связывают знаменитую фразу Полибия «*historia magistra vitae*»:⁷² если все повторяется, то история, несомненно, учит. Время иудейской и продолжившей ее христиан-

⁷⁰ БАН, 24.5.8, л. 12.

⁷¹ Толковая паляя 1477 г. Л. 135 об.

⁷² См., например: Вайнштейн О. Л. Западноевропейская средневековая историография. М.; Л., 1964. С. 16 и далее.

ской историографии считают линейным. Оно имеет начало, и оно имеет конец. Несмотря на осторожное отношение к этой схеме некоторых исследователей⁷³ и известное упрощение всякой схемы вообще, надо полагать, что такое сопоставление разных типов времени себя оправдывает. В рамках данной работы отметим лишь следующую вещь, используя, так сказать, геометрию упомянутой схемы. Круг и линия — это то, что существует и в пределах христианской историографии. И круг, и линию как выражение вечности (безвременности) и времени можно было бы назвать ее полюсами. Очевидно, что в качестве компромиссной фигуры здесь следует рассматривать спираль, отражающую хронографический тип истории, который в равной степени касается и времени, и вечности, повторяемости и неповторимости.⁷⁴ Этот тип истории (и обслуживающей ее хронологии) предполагает неперенное наличие цели исторического процесса. Определяя, вслед за Дж. Джонсоном, иудео-христианскую хронологию как теократическую, в качестве ее характерной особенности мы рассматриваем как раз наличие цели.⁷⁵ Разумеется, хронографическая модель истории в той или иной степени была свойственна и другим жанрам исторического повествования, хотя нигде она не проявлялась так последовательно, как в хронографии. В истории хронографической вообще мало что существует вне традиции, и обращение к такой сфере, как хронология, это в очередной раз подтверждает.

⁷³ См., например: Momigliano A. *Time in Ancient Historiography* // *History and Theory. Studies in the Philosophy of History. Beiheft 6. Middletown, 1966. P. 10—14.*

⁷⁴ Характерно, что, реконструируя модель древнерусского календаря, А. Н. Зелинский привлекает «круг как формообразующее начало времени, и спираль как его динамическое содержание». См.: Зелинский А. Н. *Конструктивные принципы древнерусского календаря* // *Контекст. 1978. М., 1978. С. 108.*

⁷⁵ Johnson J. W. *Chronological Writing: Its Concepts and Development* // *History and Theory. Hague, 1962. N 1. Vol. 2. P. 128.*